

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.133.1'42:327
ББК Ш147.11-51

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.01

Н. В. Багичева
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗЫ МАТЕРИ-РОДИНЫ И БОЛЬШОЙ СЕМЬИ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОНТОГЕНЕЗЕ

АННОТАЦИЯ. Раскрываются причины создания и особенности функционирования мифа о «Большой семье», рассматривается образ Отца «Большой семьи», демонстрируется, как идея иерогамии обеспечивает легитимность власти. Актуальность темы обусловлена тем, что концептуальная метафора считается одним из способов изучения ментальных процессов и постижения национального сознания. Концептуальные семейные метафоры уходят в мифологическое прошлое народа и имеют биологическое обоснование. Прослеживается динамика развития образа Родины в социально-политическом и культурологическом дискурсах. Исследователями при установлении взаимосвязи гендер и национальной идентичности вопрос о «женском мифе» в русской культуре поднимается уже давно. Отмечается, что образ матери является не единственным женским образом России, что Россия в разные исторические моменты представляла в образах жены, вдовы, невесты, блудницы, в настоящее время часто в образах матчики, тетки. С надеждами на благоприятное будущее связывается появление образа Родины-дочери. Для описания развития семейной метафоры в целом вводится понятие метафорического онтогенеза. Поскольку метафора имеет ментальную и во многом психологическую сущность (синтез бессознательного и осознанного, сознания и самосознания, физического и социального, идеального и реального), понятие онтогенеза заимствуется из психологии. Метафорический онтогенез может обозначать индивидуальное развитие образа, совокупность последовательных преобразований, претерпеваемых образом, от момента рождения до конца его ментальной жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная метафора; Родина-мать; отец народов; «Большая семья»; метафорический онтогенез.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Багичева Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания в начальных классах, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 167; e-mail: espoir17@mail.ru.

В заключительной части послания Президента Федеральному собранию РФ в 2007 г. В. В. Путин остроумно заметил: «В России есть еще такая старинная русская забава — поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом небесполезное и небезынтересное, этим можно заниматься всегда и бесконечно». Это «небесполезное и небезынтересное занятие» захватывает не только русских, но и иностранцев, особенно в последнее время. Наша национальная идея включает такие понятия, как «русский дух», «загадочная русская душа», которые «не всегда осознаются нами», но играют «центральную роль в определении повседневной реальности» и «структурируют наше восприятие, наше мышление и наши действия» [Лакофф 2004].

В статье речь пойдет о развитии семейной метафоры, о создании и функционировании мифа о «Большой семье» в политическом и культурном дискурсе, о нелегкой «женской судьбе» матери-Родины — можно сказать, о метафорическом онтогенезе образов Родины-матери и «Большой семьи».

Определение онтогенеза, на наш взгляд, как нельзя лучше подходит для описания функционирования метафоры в культурологическом и историко-политическом аспектах. Исходя из ментальной и во многом психологической сущности метафоры (синтеза бессознательного и осознанного, сознания и самосознания, физического и социального, идеального и реального) мы заимствуем определение онтогенеза именно из психоло-

гии. **Метафорический онтогенез** может обозначать индивидуальное развитие образа, совокупность последовательных преобразований, претерпеваемых образом, от момента рождения до конца его ментальной жизни.

Для образа, как и для личности, важно упорядочить значительные события прошлого, выстроить временную последовательность жизни образа в языке и сопряженной с этим жизни общества в реальности, совмещение всех трех времен бытия образа: прошлого, настоящего и будущего. Главная ценность этого процесса — перенос ведущих мотиваторов поведения человека из реального плана в ментальный и наоборот; включение метафоры в «модель внутреннего мира, присущую нашей культуре» [Лакофф 2004].

Любой русский, говоря о матери, несознанно вызывает лишь словом самим на периферию сознания и образы ее детей, и отца ее детей, и ее семью, и т. п. Термины родства и в языке «живут семейно». Происходит это в силу осозаемых и постигаемых сенсорно в раннем детстве семантических признаков слов «мать» (добрая, ласковая, любимая, любящая, заботливая) и «отец» (сильный, надежный). Поэтому выходящий за пределы нашего личного интимного пространства окружающий мир строится нами ментально (и поведенчески!) по уже знакомым законам и признакам. Так, в «Истории государства Российского» при описании событий конца XVI в. Россия представлена *сиротой*, лишившейся отца — царя и возла-

гающей надежды на мать — царицу: Слезы лились; но и чиновники и граждане, подобно боярам, с живейшим усердием клялись в верности к любимой царице-матери, которая еще спасала Россию от сиротства совершенного; В пятницу, 17 февраля, открылась в Кремле дума земская, или государственный собор... Казалось, что все ждали одного: как сироты, найти скорее отца — и знали, в ком его искать; И в то самое мгновение, по данному знаку, все бесчисленное множество людей, в келиях, в ограде, вне монастыря, упало на колена с воплем неслыханным: все требовали царя, отца, Бориса! [Карамзин 1988: 683].

В силу своей концептуальности и архетипичности семейная метафора (метафора родства) — предсказуемая метафора, так как на поверхности лежит извечное противопоставление своего чужому: *И в радостный день и в печальный / С тобою я связан судьбой. / Тебе я не родственник дальний, / Россия, а сын твой родной* (А. Гарнакерьян, «Россия»); Родина — **мать**, чужая сторона — **мачеха**. «Но именно тем и живуща данная метафора, что отношения собственности, определение своего места в жизненном пространстве и определение своих и чужих будет вечно волновать человека. Поэтому, беря за анализируемый материал сферу-мишень, мы имеем уникальную возможность проследить „обратную связь“ мышления. Кто в этом мире позаботится о нас, кто не предаст, на кого можно положиться? Что в этом мире мы помечаем как свой близкий круг, в каком пространстве нам живется комфортно, как происходит освоение этого пространства хотя бы ментально? При ответе на эти вопросы первым вербализатором станут термины родства»: *Родина-мать, умей за нее постоять; Береги землю родимую, как мать родимую; Для матери-отчизны не жаль жизни; Родина любимая — мать родимая; Родина начинается с семьи* [Багичева 2008: 29]. Это начало выхода человека в социум, налаживание человеком связи с окружающим миром: *Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова* (пословица); Олег сел княжить в Киев и сказал: „Это будет мать русским городам“ [Соловьев 1989: 34].

Концептуальная метафора считается одним из способов изучения ментальных процессов и достижения национального сознания. Метафора — это «своеобразный отпечаток истории, культуры народа, идеологии общества» [Илюхина 1998: 187]. Метафора — это и «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объясне-

ния мира» [Будаев, Чудинов 2006: 35]. Корни семейной метафоры уходят в мифологическое прошлое народа и имеют биологическое обоснование.

Категории родства — первые полноценные понятия, употребляемые людьми издревле. Общеизвестно, что только люди знают и классифицируют родственные отношения. К. Кларк пишет об этом: «Большинство антропологов признает существование двух типов организации семьи: по боковой линии, вдоль „горизонтальной оси“ (дети одних родителей, кузены и т. д.), или вдоль „вертикальной оси“ (поколения). Глядя на семью с горизонтальной оси, можно увидеть, что русские считали родственниками более широкий круг людей, чем это было принято на Западе (молочные братья, приемыши, свекровь и теща, братья во Христе и т. д.). Напротив, количество людей, входивших в семью по вертикальной оси, в России было меньшим, чем на Западе. Вертикальная ось показывала основание семьи и ее колена; это была отцовская линия: жена приходила в семью мужа, родственники мужа считались более полноправными и авторитетными, чем ее собственные» [Кларк 1992].

Мифологические воззрения на жизнь связывают начало жизни с женским плодотворящим началом. Дерево жизни произрастает из тела матери-земли, пронизывая ее корнями. Мифологическое дерево жизни превратилось в символ генеалогии рода — родословное дерево, чьи корни принадлежат предкам. Родословное дерево демонстрирует связь поколений. Божеством рождающихся людей долгое время считался Род, с которым соотносилось представление о происхождении людей от одного первопредка [Шуклин 1995: 171]. В русской мифологии, помимо семейных предков, почитался родонаучальник первобытного коллектива — царь, являвшийся мифическим воплощением единства рода. Образ царя-батюшки сложился из представления о нем как наместнике бога.

Западные исследователи, пытающиеся установить взаимосвязь гендера и национальной идентичности, поднимают «вопрос о „женском мифе“ в русской культуре». Так, Линда Эдмонсон, изучая «женскую иконографию, ее использование при формировании образа нации и того влияния, которое образы матери оказывают на общество и на государственную политику по отношению к женщине как реальной или потенциальной матери» [Эдмонсон 2009], ссылаясь на Н. Бердяева [Бердяев 2001] («Земля — последняя заступница. Основная категория — материнство»), Г. П. Федотова [Федотов] («земля — это русская «Вечная женствен-

ность», мать, а не дева»; «культ Великой Богини, царившей некогда над необъятными русскими равнинами», Стивена Грэма [Грэм] («Россия как таковая есть женская нация»), приходит к заключению, что «представление о матушке Руси» является «доминирующим для русского самосознания» [Эдмонсон 2009], что подтверждается символикой (образы матушки-Руси, иконы Богоматери).

Анализируя динамику женских образов России в годы Первой мировой войны, В. Б. Аксенов в статье с говорящим названием «От Родины-царицы к родине-бабе» пишет: «Фемининные образы Родины... были связаны с несколькими традициями. Прежде всего, это уходящая в историю Древней Руси религиозная практика почитания Богородицы как покровительницы России. Во вторых, это в значительной степени определившееся религиозным дискурсом переосмысление природы России многими религиозными философами, в которой они усматривали женское начало. В-третьих, это изменение гендерной структуры и гендерных отношений в империи начала XX века, вытекавшее из процессов урбанизации и неизбежной феминизации общества» [Аксенов 2015]. Это же подчеркивает О. В. Рябов: «Практически все качества, составляющие традиционный образ „русской“, — это качества феминные» [Рябов 2015].

Итак, все исследователи — зарубежные и отечественные — сходятся в одном: Россия «воплощает женское начало. Россия — жена западного человека, материнское лоно народов. ...Святая Русь — святая жена, которая осталась дома и молится, между тем, как мы, люди более земные, покинули свой дом ради большого мира» [Грэм]. Это «вечно-бабье», это «женственная религиозность» [Бердяев].

Интересная особенность русского космопсихолога подмечена Г. Д. Гачевым: «Как эллинская Гея рождает себе Урана-небо, который ей сын, и супруг, так и мать — сыра земля Россия рождает русский народ, который ей и сын, и муж» [Гачев 1995: 217]. Отзвуки этой идеи находим и в русской поэзии: *Как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать; Сестра и мать моя! Жена моя! Россия!* (К. Бальмонт); *Русь — Сама себе мать и дитя, И судья, и творец, и палач* (Л. Ладейщикова).

Семья для человека — это модель построения общества, поэтому первые моральные нормы, связанные с нравственно-социальными запретами для человека, пришли в нее тоже из древности: во-первых, абсолютный запрет на кровосмесительство; во-вторых, абсолютный запрет на убийство

соплеменника; в-третьих, требование поддержания жизни любого из соплеменников, независимо от его физической приспособленности к жизни. Ср.: *Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говорят: да будет земля Русская общим для нас отечеством, а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем. Добрый народ радовался согласию своих государей, которые обнялись братски и разъехались друзьями* [Карамзин 1988: 161]. На этом фундаменте были построены более поздние моральные ценности и нормы: *Сонмы изветников, если не всегда награждаемых, то всегда свободных от наказания за ложь и клевету, стремились к царским палатам из домов боярских и хижин, из монастырей и церквей: слуги доносили на господ, иноки, попы, дьячки, просвирницы — на людей всякого звания, — самые жены — на мужей, самые дети — на отцов, к ужасу человечества!* [Карамзин 1988: 702].

Как отмечает О. В. Рябов, «узнаваемый символ русской/российской и в нашей стране и за границей» — это Россия-матушка. «Будучи встроенной в сложную систему идей и концепций, „Родина-Мать“, „Россия-Матушка“ получила воплощение и в текстах (философских, исторических, публицистических, художественных), и в визуальных образах» [Рябов 2015]. Достаточно вспомнить пословицы и поговорки, знакомые, так сказать, «с младых ногтей»: *Родина любимая что мать родимая; Одна у человека мать, одна у него и Родина; Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля; За Родину-мать не страшно умирать; Мать сыра земля и др.* «Образ женщины, давшей нам жизнь, в русском языковом сознании чуть ли не намертво прикреплен к слову „Родина“» [Воркачев 2013: 88]. Хотя по большому счету носители языка в подобных разъяснениях не нуждаются: «Персонализация родины носит уже практически языковой характер — „Родина-мать“ для говорящих по-русски уже как бы не метафора, а реалия» [Воркачев 2013: 34]: *Ничтожная Япония злодейски размахнулась на великую и могучую матушку-Россию! Надеюсь, что и сейчас все мы, как единая дружная семья, встанем (В. Пикуль «Богатство»); Уж и есть за что, Русь могучая, Полюбить тебя, Назвать матерью, Стать за честь твою Против недруга, За тебя в нужде Сложить голову!* (И. С. Никитин, «Русь»); *Ах, ты матушка-Россия, что ты делаешь со мной? То ли все вокруг смурные? То ли я один смурной?* (Е. Евтушенко, «По Печоре»); — *Мой вексель оплачен вами. Отныне вы уже ничего не должны мне.*

Но зато очень многое должен я сам. — Кому? — Своей матери — России... честь имею! (В. Пикуль, «Честь имею»).

Образ матери во все времена — это не единственный женский образ Родины. В облике Родины-матери соединяются лики сестры и матери, весталки и блудницы (М. Волошин), а также жены и невесты: Как женщину, ты родину любил... Взвывая к жизни новой, И светлый рай, и перлы для венца Готовил ты любовнице суповой (Н. Некрасов); Как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать (В. Лебедев-Кумач); **Сестра и мать моя! Жена моя! Россия!** (К. Бальмонт); Русь — Сама себе мать и дитя, И судья, и творец, и палач (Л. Ладейщикова); О, Русь моя! Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь! (А. Блок, «На поле Куликовом»); О, нищая моя страна, Что ты для сердца значишь? О, бедная моя жена, О чем так горько плачешь? (А. Блок, «Осенний день»); Что ж, любовь, как видно, подождать должна, У бойца невеста — родина одна (Т. Тильвитис, «Стужа расписала...»).

В эпохи социальных потрясений Россия — сирота, вдова: Каждая подробность, каждая черта этого рассказа (даже „бледные, как саван, овсы“) щемила сердце предчувствием неизбежной беды, нищенством, сиротством, ставшими уделом тогдашней России. От этой России временами хотелось бежать без оглядки. Но редко кто на это решался. Ведь нищенку мать любят и в горьком ее унижении (К. Паустовский, «Иван Бунин»); Государство наше — вдова слишком самолюбивая и крутая (Ю. Галкин, В. Стеценко).

Изучая визуальную символику России начала XX в., В. Б. Аксенов отмечает, что «в официальной визуальной пропаганде среди феминистских типов персонификации родины доминировали образы России-царевны, России-богатырки, России/Москвы-боярыни, Москвы/России — сестры милосердия, а также встречались невнятные, эклектичные модернистские типажи» [Аксенов 2015]. Понятно, что бурная революционная и военная жизнь страны, смена общественного строя и правительства не могла не наложить отпечаток на восприятие Родины у разделенных непримиримой классовой борьбой граждан одной (совсем еще недавно!) страны: Ходили на Лубянку. Местами „митинги“. Рыжий, в пальто с каракулевым круглым воротником, с рыжими кудрявыми бровями, с свежевыбранным лицом в пудре и с золотыми пломбами во рту, однообразно, точно читая, говорит о несправедливостях старого режима. Ему злобно возражает курносый

господин с выпуклыми глазами. Женщины горячо и невпопад вмешиваются... Несколько солдат, видимо, ничего не понимают, но, как всегда, в чем-то (вернее, во всем) сомневаются, подозрительно покачивают головами. ...Подошел высокий синеглазый рабочий и еще два солдата с подсолнухами в кулаках. Солдаты оба коротконоги, жуют и смотрят недоверчиво и мрачно. На лице рабочего играет злая и веселая улыбка, пренебрежение... (И. Бунин. Октябрьские дни). В 1917 г. в журнале «Огонек», отмечает О. В. Рябов далее, была предложена «динамика состояний женщины-России: непорочная дева-свобода — курящая в неприличной позе сидящая рядом с подозрительным типом — пьяная, в разорванном платье и с безумными глазами под знаменем анархии. Карикатурный образ пьяной России коррелировал с поэтическим образом блудницы, встречавшимся в 1917 г. у А. Ахматовой: Когда приневская столица, / Забыв величие свое, / Как опьяневшая блудница, / Не знала, кто берет ее... В результате, в процессе революции образ женщины-невесты оказался вытеснен образом распутной девки/бабы уже» [Аксенов 2015]. Ср. у А. Платонова: — Охаживай, ребята, наше царство-государство: она незамужняя! — Она девка иль вдова? — спросил на ходу танца окрестный гость («Чевенгур»).

Октябрьская революция разрушила семью Матери-России: Россия не просто лишилась мужа (матушка-Русь была обвенчана с батюшкой царем), она оказалась приживалкой в собственном доме, из которого ушли «мошь, сложность, богатство, счастье» (И. Бунин, «Октябрьские дни»). «Победоносный демос» (И. Бунин, «Октябрьские дни»), казалось, не очень горевал о потере Родины: Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет (К. Маркс, Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии»). Да и прежние буржуазные семейные отношения были пролетариатом отвергнуты, им на смену пришла вынужденная бессемейность и публичная проституция (К. Маркс, Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии»). Россию на агитационных плакатах изображали уже не невестой или царицей, а изнасилованной «победоносным демосом» или «выставленной на продажу дешевой проституткой» [Аксенов 2015]. Этот образ запечатлен и в художественной и публицистической литературе: Я говорю об Англии с такой же завистью, с какой говорит уличный мальчишка, имеющий мать-потаскуху с проломленным носом, о приличной барыне — матери сво-

его случайного друга-барчука (М. Шолохов, «Тихий Дон»); Когда Крученых хочет прославить **Россию**, он пишет в своих „Поросьях“: В труде и свинстве погрязая, / Взрастаешь, сильная, родная, / Как та дева, что спаслась, / По пояс закопавшись в грязь. / И даже завидует ей, чтобы она и впредь, **свинья-матушка**, не вылезала из своей свято-спасительной грязи, — этакий, простите меня, свинофил! (К. Чуковский, «Футуристы»); — Эх ты, эсесерша **наша мать!** — кричал в радости один забвенный мужик, показывая ухватку и хлопая себя по пузу, щекам и рту (А. Платонов).

Возвращение Родины-матери в советскую пропаганду, культуру, литературу помечено тридцатыми годами XX в. Все исследователи (О. В. Рябов, Х. Гюнтер, Е. А. Степанова) отмечают, что поворотными в дискурсе матери-Родины стали текст телеграммы приветствия, которую высшее руководство СССР направило челюскинцам и первым Героям Советского Союза 14 апреля 1934 г., и последовавшая за этим статья в газете «Правда»: «Рады, что вы оправдали лучшие надежды страны и оказались достойными **сынами** нашей великой Родины»; «Как нежная **мать**, — говорится в передовице „Правды“, — следила страна за полетом своих **сынов**, радовалась успехам летчиков и с нетерпением ждала от них сведений... Как бензин питает мотор самолета, так сердца летчиков питались той чудесной силой, которую слала им **родина-мать**» [Гюнтер 1992: 125].

Родина-матушка возрождается в образе Советской Родины-матери, которая пропагандой весьма искусно была синтезирована из Революции и Родины: «Впервые в Октябре мы почувствовали себя хозяевами страны, впервые мы почувствовали свое, **родное**, любимое, за что и жизнь можно отдать. <...> Россия стала **матерью** для трудающихся всех национальностей. <...> Советский Союз — **отчество** трудающихся всего мира» (открытое письмо работников «Красного путиловца» челюскинцам и героям-летчикам, опубликованное в июне 1934 г. в «Правде»).

Ханс Гюнтер, анализируя создание мифа 30-х гг. о советских летчиках («сталинских соколах»), отмечает, что в средствах массовой информации того времени постоянно подчеркивалась мысль о том, что летчики — **сыновья** Сталина, «великого отца», и **матери** Родины (страны, родной земли, Москвы) [Гюнтер 1992]. Мифология иерогамии (священного брака) в очередной раз обеспечила «легитимность власти и организации определенного социально-политического поряд-

ка» [Рябов 2015]. Отметим при этом, что идея иерогамии не нова: заглянув в давнюю и не очень давнюю историю (сказки, пословицы, предания и пр.), мы обнаружим там и устойчивое обращение «царь-батюшка», и пословицы типа «**Родина — мать**, умей за нее **постоять**», и зафиксированное в летописях: *Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного* [Карамзин 1988: 171].

Вернемся в 30-е гг. ХХ в. Отметим, что, пожалуй, это самый счастливый период в «семейной» жизни матери-Родины, когда «Большая семья» стала наконец-то полной: строгий и мудрый **отец** Сталин, его героические **сыны** и ласковая **мать Родина**. Взаимоотношения между членами семьи создают атмосферу патриархальной семьи. И если **отец** занят воспитанием, закалкой **сыновей**, то **мать** дает им те ценности, которые может дать **семья малая**, то, что лежит в сфере эмоциональной, биологической: *От героев плодородных пашен / Ты, отец крестьян страны родной, / Ты прими, отец, спасибо наше, / Ты прими, отец, поклон земной. / Ты согрел нас ласкою свою, / Ты сплотил нас в дружную семью, / Научил нас всех любить сердечно / Дорогую Родину свою* (А. Сальников. Благодарственная Сталину, 1949 г.). Так политico-идеологическая Большая семья была поставлена над естественно-биологическими «малыми семьями» (как не вспомнить Павлика Морозова!) [Гюнтер 1992: 125]: *Сегодня мы с песней веселой / Под знаменем красным войдем / В просторную новую школу, / В наш светлый и радостный дом. / Мы дети заводов и пашен / И наша дорога ясна. / За детство счастливое наше / Спасибо, Родная Страна! / У карт и у досок мы станем, / Вбежим мы в сверкающий зал. / Мы учимся так, чтобы Сталин / „Отлично, ребята!“* сказал (В. Гусев, 1937 г.).

Считается, что именно в то время, когда был уничтожен традиционный семейный уклад, возникла и стала активно насаждаться псевдосемейная культура. Это отразилось и в особой фразеологии, призванной утвердить прототипическую идеальную модель семьи: «В семье единой», «Родина-мать», «экипаж-семья», «братские социалистические страны», «дедушка Ленин», «учительница — наша вторая мама», «государство заменило родителей», «отец народов», «верный сын партии — комсомол», «внука Ильича». Вместо реальной матери у советского народа была легендарная, многострадальная Родина-мать: **Мать Россия!** Тебе мои песни, — О немая, суровая **мать!**

(А. Белый, «Из окна вагона»). Вместо отца — высокопоставленные государственные деятели, и самым главным отцом был, конечно, Сталин — преемник Ленина: «Ленин и Сталин стояли у колыбели каждой советской республики, оберегали ее от грозящих опасностей, по-отечески помогали расти и крепнуть. Если сегодня все республики Советского Союза предстают перед миром в расцвете своих материальных и духовных сил, то этим они обязаны гениальному учению Ленина-Сталина, мудрому руководству товарища Сталина. Вот почему все народы нашей страны с необыкновенной теплотой и чувством сыновней любви называют великого Сталина своим родным отцом, великим вождем и гениальным учителем» (Н. С. Хрущев. Речь на 70-летии Сталина).

Характер преемственности двух «вождей народов» не выстроен в «семейной» терминологии, он был представлен песенно-фольклорно: Ленин и Сталин — «два сокола ясных»: *На дубу зеленом, / Да над тем простором / Два сокола ясных / Вели разговоры. / А соколов этих / Люди все узнали: / Первый сокол — Ленин, / Второй сокол — Сталин. / А кругом летали / Соколята стаей... / Ой как первый сокол / Со вторым прощался, / Он с предсмертным словом / К другу обращался. / Сокол ты мой сизый, / Час пришел рассстаться, / Все труды, заботы / На тебя ложатся. / А другой ответил: / Позабудь тревоги, / Мы тебе клянемся — / Не свернем с дороги! / И сдержал он клятву, / Клятву боевую. / Сделал он счастливой / Всю страну родную!* (Два Сокола. Слова в пер. М. Исаковского, 1936).

Ленин и Сталин не состояли в «мифологизированном родстве». Даже прощаясь с ним в январе 1924 г., Сталин называет его только *вождем и товарищем*, не применяя эпитетов *родной* и *любимый*, что было бы в такой ситуации естественно: *Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам коммунистического интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — коммунистический интернационал!* («Правда», № 23, 30 янв. 1924 г.). Ленин, как известно, был «близнецом-братьем» партии (В. Маяковский). Статус «отца» он не получил ни при жизни, ни после смерти, перейдя сразу в статус «доброго дедушки» для детей: *Добрый и ласковый*

дедушка Ленин / смотрит с портрета на нас. / Как мы рисуем, как мы играем, / Как нам живется сейчас. / Мы еще малы, мы еще слабы, / Но набираемся сил. / Дедушка Ленин о нас позаботился, / Нас обижать запретил (С. Маршак).

Фигура Сталина, с одной стороны, наделялась чертами, придающими ей величие: перед нами гениальный вождь и учитель, а с другой — в ней подчеркивались такие человеческие качества, которые предполагали обращение «*любимый и родной*»: *Сталин любимый, песней чудесной / Слово твое для страны! / Мы будем, как Ленин, правдивы и честны, / Мы будем, как Ленин, ясны... / В небе и в шахтах слышим мы пенье, / Поят краснофлотцы-сыны* (Б. Гульбинский, 1938 г.). Сталин как нельзя лучше подходил на роль отца и — соответственно — мужа Родины. Впрочем, другой кандидатуры и не предполагалось.

Причина этих ментальных перемен в конце тридцатых годов была весьма очевидна — угроза войны: *Дни коммунизма встают перед нами, Враги нас хотят окружить!* Огромную роль в становлении нового образа Родины и мифа о дружной семье советского народа, как это видно из наших примеров, сыграло массовое искусство, в первую очередь советская песня. Е. А. Степанова, рассматривая интерпретацию песенного образа Родины, «видит причины устойчивой популярности советских песен о Родине в соответствии формирующейся советской идентичности мироощущению агентов строительства социалистического государства» и отмечает, что «его значение не сводимо лишь к необходимости решения конкретных идеологических и мобилизационных задач, ...что эмоциональное воздействие песенного образа Родины не связано напрямую ни с поддержкой, ни с отторжением конкретной социально-политической системы, но оно связано с естественной человеческой потребностью в чувстве родины» [Степанова 2015]: *Всем нашим колхозным, всем радостным краем / Заздравную Сталину песню поем. / Отец всенародный, тебя величаем / На празднике светлом и славном своем. / Мы счастливы все на твоих именинах, / Собрав для Отчизны большой урожай. / И просим тебя, наш родной и любимый, / На радостный праздник в колхоз приезжай* (Колхозная здравица Сталину. М. Мордасова и К. Гусев, 1949 г.).

Начало Великой Отечественной войны ознаменовалось визуализацией и персонификацией образа Родины-матери (мы имеем в виду плакат И. Тoidзе «Родина-мать зовет!»). Абстрактная Родина стала осознава-

мой: Что путь один — не выбирать — / На запад и вперед. / Сквозь дым и гром **Россия-мать** / Своих солдат ведет (А. Смердов, «Перед высотой»). Для усиления воздействия в образ Родины часто добавляется «мужское» начало, само слово *Родина/Россия* заменяется словом *отчизна*: Над какой столицей круто / Взмыл твой флаг, **отчизна-мать!** / Подождемте до салюта, / чтобы в точности сказать (А. Твардовский, «Василий Теркин»); Всем вам, пятым ребятам бравым, / От **России-матери** поклон (А. Прокофьев, «Россия»); Нам свои боевые / Не носить ордена. / Вам — все это, живые. / Нам — отрада одна: / Что недаром боролись / Мы за **Родину-мать.** / Пусть не слышен наш голос, — / Вы должны его знать (А. Твардовский, «Я убит подо Ржевом»). К Победе советский народ вели Родина и Сталин, соединенные в одном призывае «За Родину! За Сталина!»: Вспомни о тех, кто убит под Синявином, / Тех, кто не сдался живьем! / Выпьем за Родину, выпьем за Сталина! / Выпьем и снова нальем! (П. Шубин. Волховская застольная).

В настоящее время миф о Большой многонациональной Семье разрушен. После ухода Сталина место отца не занял никто. Нет больше дедушки у октябрят, да и самих октябрят с их старшим братом комсомолом не стало. Большая семья снова стала неполной, семейный статус России не определен: То ли жена **Россия**, то ль **вдовица.** / Куда ни глянь — хозяйской нет руки: / Худая кровля, капает водица / В пустые миски — впору выть с тоски (Л. Савинская). Ситуация не нова, такое уже было в начале прошлого века: От этой **России** временами хотелось бежать без оглядки. Но редко кто на это решался. Ведь **нищенку мать любят** и в горьком ее унижении (К. Паустовский). Наша родина больна, но от кровати **больной матери** не уезжают (В. В. Путин). Однако ее, как состарившуюся мать, невозможно оставить: Бываю дни: я ненавижу / Свою **отчизну — мать** свою. / Бываю дни: ее нет ближе, / Всем существом ее пою. ... / Я — русский сам, и что я знаю? / Я падаю. Я в небо рвусь. Я сам себя не понимаю, / А сам я — вылитая Русь! (И. Северянин, «Бываю дни...»); Страна великая, несчастная, родная, / Которую, **как мать,** жалею и люблю (К. Бальмонт, «Страна, которая молчит»). Причина этого — то, что **Родина — всем матерям мать;** что «презрение к родине» есть «нечто худшее, чем вражда и ненависть» (П. Столыпин). Поэтому аморальными и недопустимыми практически до окончания XX в. считались высказывания типа: **Россия...** никогда не была для меня

матерью. Я человек вполне новой формации, и мне вообще смешна сама мысль, что какую-то страну можно любить только потому, что там родился (В. Пикуль, «Богатство»).

Мачехой в старое (доперестроенное, доинтернетное) время могла быть только чужбина: Родина — мать, чужбина — мачеха. Ср.: Я понимаю, что для многих из вас (каторжников Сахалина) родина, наша прекрасная, наша необъятная Россия, стала только злой **мачехой** (В. Пикуль, «Каторга»); Казалось бы, с нерадостью большою Они (каторжники Сибири) ее должны были принимать: Ведь **мачеха**, пусть с доброю душою, — Она, понятно, все-таки не мать (Е. Евтушенко, «Станция Зима»). Сейчас **мачехой** называют Россию вернувшиеся эмигранты, не получившие обещанного жилья и любви: **Родина — мачеха?** Корреспондент „Труда“ решил узнать, как живут наши соотечественники, которые перебрались в Россию еще в начале 90-х годов. Вот тут и выяснилось, что **Родина-мать** оглохла, ослепла и потеряла память — даже по прошествии десяти с лишним лет она так и не признала своих сынов. Мачехой выросшие дети поколения next бичуют родину, раздражаясь из-за экономической нестабильности, из-за нехватки денег, материнской любви и заботы. Раздражаются и выносят «сор из избы» в Интернет, который позволяет высказываться анонимно на большую аудиторию: Во времена СССР было принято величать Родину **матерью**, особенно, когда на нее покушались враги. Нынче не покушаются, да и Родина уж не та. Та Родина умерла, истлела в землице, теперь у семейного очага верховодит **прившая Мачеха.** У нее свои интересы — родных **деток-чиновничков** до ума доводить — на черта ей сдались убогие **пасынки** со своими проблемами? Но главный подлец в этой семействе — папаша, то бишь — Государство. И не папаша он вовсе, а Пахан. Отцовские чувства ему неведомы, хотя в отличие от Мачехи он-то — реальный родитель, да и кормится за счет своих отпрысков. Используют этот образ и представители разных партий для критики своих оппонентов: К возвышенномузывают: „Любите Родину...“ Была Родина-Мать, взыскательная, но добрая, внимательная к своим детям, к врагам — суровая. Достойная уважения, любви и ответной заботы о ней. Заняла ее место **родина-мачеха**, сразу начавшая разбрасывать на своих **дочерей, сыновей:** пошел ко дну — туда тебе и дорога, выкарабкался — живи, если захочешь и сможешь... [Сурков 2004].

С изменением социальной ситуации в стране граждане новой России позволяют себе поругивать родителей: и родину, и неудачного мужа ее — государство: У нас есть два слова: *Родина* и *Государство*. Родину мы любим. Поэтому *Родина* — „мать наша“, а государство — „мать вашу!“ Россия — лучшая в мире Родина! Но самое несуразное государство (М. Задорнов).

Интернет-детки, не жалея мать-отца ради крепкого словца, иногда переходят границы допустимого. «Тёткой паршивой», «падлой-тётиенькой», «тётей-Родиной» имеют Родину-мать опять-таки из-за накопившегося раздражения: Две границы пройдено. Ключами рубаха. Здравствуй, *тетя Родина*, я — из Карабаха! Три границы пройдено. Складками надбрюзья. Здравствуй, *тетя Родина*, я — из Приднестровья! Все четыре пройдено. Упаду — не встану. Здравствуй, *тетя Родина*, я — с Таджикистану! За подкладкой — сотенка. Движемся — хромая. Что ж ты, падла-тетенька? Али не родная? (Евгений Лукин, «Я — твой племянник, Родина!»). Эти метафоры хоть и неприятны, но вполне объяснимы. По сути, это те же «семейные разборки»: милые бранятся — только тешатся [Багичева 2013]. Сложно и «трудно в семье, около семьи, по поводу семьи» (В. Розанов) было всегда.

Хочется верить, что ни строй, ни новая реальность не изменит нашей сущности. Забота о Родине, о ее судьбе и благополучии (*Жила бы страна родная!*) — наша национальная черта, чему доказательством служит появившаяся в последние десять лет метафора — *Родина-дочь*, которая свидетельствует о сохранении светлых — и даже святых — чувств к Родине.

Концепция *Родины-дочери* была выдвинута Егором Холмогоровым — публицистом, политическим деятелем, русским националистом, главным редактором сайтов «Русский Обозреватель» и «Новые Хроники». У нашего поколения с восприятием *Родины-как-матери* есть, если уж быть честными, некоторые проблемы. Мы — поколение сирот, брошенных матерью в самый неподходящий момент, или бросивших ее и начавших жить в трущобах обезбоженного и бесчеловеченного мира. Мы — дети неполных семей, неполного образования и недостаточного государства, слишком часто напоминавшего то ли отца-алкоголика, то ли отчима-садиста. В лучшем случае *Родина-мать* для нас сводится к *родине-бабушке*, оставившей после своей смерти однокомнатную квартиру, недвижимость. Собственно, Родина, если говорить всерьез,

для нашего поколения именно недвижимость, то есть то, что распилить и продать за границу оказалось все-таки не просто.

Но есть на свете одно существо, которое никогда не предаст. Существо, которое будет тебя любить и которое обязан любить ты. Существо, за которое ты абсолютно в ответе. Существо, которое для тебя всего ценнее в мире и за которое ты перегрызешь глотку любому врагу. Это твоя дочь.

Сегодня, если к Родине и применима какая-то родственная метафора (а это ведь больше чем метафора), то только эта. *Родина-дочь*. Не столько она родила нас, сколько мы родили ее. Не столько она воспитывает нас, сколько мы призваны ее воспитывать, ее кормить, оберегать, создавать из еще так слабого и почти беззащитного существа будущую невесту, будущую мать, ту, которая родит своих сыновей и сможет быть *Родиной-Матерью*.

Это самое трудное. *Родина-Мать* она была до тебя, она такая, какая есть, она старше и мудрее. Родина-дочь, она твое произведение, плод твоего труда, и если что-то в ней не так, то и твоя в этом вина. Мать — твое прошлое, дочь — твое будущее. Ты видишь в ней родовые черты, угадываешь свойства прошлых поколений, из которых одним являешься ты. Но ты еще не знаешь, как это прошлое отразится в будущем, к формированию какого характера, какой личности приведет [Холмогоров 2008].

Не будем смущаться столкновению национального и националистического. Как верно замечает С. Г. Воркачев, «можно предполагать, что национализм в конечном итоге представляет собой продукт рационализации патриотизма, когда любви к родине подыскиваются „разумные“ основания и выясняется, за что именно мы ее любим, чем она хороша и чем она лучше других» [Воркачев 2013: 21—22].

Сегодня поисковая строка в Интернете выдает уже и сказки нового времени про *Родину-дочь*: Руководитель этот, конечно, предпочел бы сохранить страну с сельпо и лунными тракторами, а не коров по дворам раздавать, но от него не все зависело. И он как-то интуитивно поменял концепцию: раз *Родина-мать* не справляется, надорвалась, захворала и дает осечку, то теперь у нас будет *Родина-дочь*. С детьми ведь как? Чего навоспитаем — то и наше. Как полопает — так и потопает. Если *Родина* — *девище*, то мы ее каждодневно формируем и защищаем на любых фронтах.

Метафора, похоже, обживается в уголках нашего сознания (по крайней мере, понима-

ется): *Награда мне будет в мире ином, / Другая Россия — мой истинный дом. / Ее нет на карте, но мне наплевать, / Я хату покинул, ушел воевать / Не за Родину-мать, но за Родину-дочь — / Светлее чем солнце, безумней чем ночь* (Э. Лимонов).

Надо сказать, что это не исключительный случай употребления данной метафоры. Раньше она встречалась в стихах известного советского поэта Д. Н. Кугультинова: *Мать-родина! Так люди называют / Ее издревле... Она щедра по-матерински, — знаю, / Но родина — она и дочь родная. / Все лучшее — и труд, и вдохновенье — / Самозабвенно отдаем мы ей, / Как только детям отдают — продленье / Быстро текущих, кратких наших дней... / Здесь все мое!.. Бери его, упрочь. / О родина моя!.. О мать и дочь!*

Может быть, появление этой метафоры является свидетельством взросления сыновей и дочерей: *Сегодня Россия — это будущее, это, прежде всего проект, строительство и образование, это наша воля к будущему, формирующая свой образ прошлого и отталкивающаяся от настоящего. Мы, несмотря на любые кризисы и катаклизмы любим ее, трудимся для нее и заботимся о ней. И знаем, что она будет самой красивой, самой умной, самой счастливой. Наша Родина-дочь.* Взросление, которое приведет к ответственному отношению к Родине.

Невозможно сказать лучше В. В. Розанова: «...с распутыванием семейных узлов... мы входим в завязь глубочайших философских проблем». Что происходит и чему суждено свершиться? Происходит переосмысление старого архаичного символа России и поиск нового: *«Потеряла Россия в России Россию...»* (Е. Евтушенко). Уж больше века обсуждается, что женский символ Родины (и сопутствующее ему женское воспитание) формирует личность, не способную на ответственное поведение, не обладающую мужественностью, цепляющуюся за «вечнобабью» материнскую юбку: «Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности, его покоряет „сила“» (В. Розанов). И однако где-то глубоко в уголках нашей «загадочной русской души» возникает неясное чувство тревоги, что со сменой символики мы потеряем себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В. Б. От Родины-царицы к Родине-бабе: особенности фемининной презентации России в годы Первой мировой войны // Лабиринт : журн. социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/11/Aksenov.pdf> (дата обращения: 02.05.2016).

2. Багичева Н. В. Образ Родины-матери в русском национальном менталитете // Лингвокультурология / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2008. Вып. 2. С. 28—33.

3. Багичева Н. В. Образ Родины: перезагрузка // Политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24—26.09.2013) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2013. С. 14—20.

4. Бердяев Н. А. О «вечно-бабьем» в русской душе // Библиотека «Вехи». 2001. URL: <http://www.litmir.co.br/?b=39359>.

5. Брюггеманн К. Миф о «большой советской семье» в массовых песнях 1930-х годов, или Советский Союз какющий пионерский лагерь // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātniskolasjumumateriali. Vēsture. VI sējums, I daļa. Daugavpils : Daugavpils UniversitātesizdevniecībaSaule, 2003. 29—34 lpp. URL: <http://www.old.historia.lv/publikacijas/konf/daugp/012/1dala/brigeman.htm> (дата обращения: 23.04.2016).

6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2006. 267 с.

7. Воркачев С. Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре: моногр. — М. : ИНФРА-М, 2013. 151 с. (Научная мысль).

8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. — М. : Академия, 1995. 420 с.

9. Грэм С. Неведомая Россия. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/5> (дата обращения: 23.04.2016).

10. Гюнтер Ханс. «Сталинские соколы» (Анализ мифа 30-х годов) // Вопросы литературы. 1992. № 11—12. С. 122—141.

11. Гюнтер Ханс. Поющая родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери) // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 122—141.

12. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 1990. 204 с.

13. Карамзин Н. М. Предания веков / сост., вступ. ст. Г. П. Макогоненко ; comment. Г. П. Макогоненко и М. В. Иванова ; ил. В. В. Лукашова. — М. : Правда, 1988. 768 с.

14. Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 72—96.

15. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М., 2004.

16. Розанов В. В. Семейный вопрос в России // Библиотека «Вехи». 2001. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/rozanov_vv/semeupnuiy_vopros_v_rossii_tom_I.12181 (дата обращения: 05.05.2016).

17. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Библиотека «Вехи». 2001. URL: <http://ihavebook.org/books/1134/apokalipsis-nashego-vremeni.html> (дата обращения: 23.04.2016).

18. Рябов О. В. «Россия-Матушка»: история визуализации. В 2 ч. Ч. 2. URL: <http://yarodom.livejournal.com/415500.html> (дата обращения: 23.04.2016).

19. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева ; comment. С. С. Дмитриева и Л. П. Дойниковой ; ил. В. В. Лукашова. — М. : Правда, 1989. 768 с.

20. Степанова Е. А. «Все проходит. Остается Родина — то, что не изменят никогда» : образ Родины в советской песне // Лабиринт : журн. социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. URL: <http://journal-labirint.ru/> (дата обращения: 23.04.2016).

21. Сурков Ю. Была у нас Родина-Мать, теперь — родина-мачеха // Коммунистическая партия Российской Федерации : сайт. 25 нояб. 2004. URL: https://kprf.ru/national_news/28817.html.

22. Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? URL: <http://www.vehi.net/fedotov/rossiya.html> (дата обращения: 10.05.2016).

23. Холмогоров Е. Родина-дочь // Новые хроники. 2008. 17 дек. URL: <http://novchronic.ru/2844.htm>.

24. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

25. Шуклин В. В. Мифы русского народа. — Екатеринбург, 1995. 308 с.

26. Эдмонсон Л. Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в европейском контексте / пер. О. Демидовой. 2009. URL: http://uchebniki-besplatno.com/gendernaya-sotsiologiya_1181/linda-edmondson-gender-mif-natsiya-evrope-32898.html (дата обращения: 23.04.2016).

N. V. Bagicheva
Ekaterinburg, Russia

IMAGES OF MOTHERLAND AND BIG FAMILY IN METAPHOR ONTOGENESIS

ABSTRACT. The reasons for creation and the peculiarities of functioning of a myth of a “Big family” are disclosed, the image of a Father of a “Big family”, as the idia of hierogamy that guarantees legitimacy of power, is discussed. The urgency of this topic is explained by the fact that the research of conceptual metaphor is one of the ways to study mental processes and national consciousness. Conceptual family metaphors originate from the myths of the peoples’ past and have biological basis. The development of the image of the motherland in socio-political and culturological discourses is dynamic. The question of interrelation of gender and national identity, the question of the “female myth” in the Russian culture is studied for a long time already. It is underlined that the image of a mother is not the only female image in Russia, in the course of history Russia had the image of a wife, widow, bride, whore; today Russia often presents the image of a mother-in-law or an aunt. The appearance of the image of the Motherland-daughter is connected with the hopes for good future. The notion of metaphor ontogenesis is introduced to describe the development of the family metaphor. As a metaphor has mental and in many respects psychological nature (the synthesis of unconscious and conscious, consciousness and self-consciousness, physiological and social, ideal and real), the concept of ontogenesis is borrowed from psychology. Metaphorical ontogenesis can be treated as individual development of an image, the combination of successive transformations of the image from birth to death.

KEYWORDS: conceptual metaphor; Motherland; Father of Nations; Big Family; metaphor ontogenesis.

ABOUT THE AUTHOR: Bagicheva Nadezda Vasiljevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Methods of Its Teaching in Primary School, Ural State Pedagogical University.

REFERENCES

1. Aksenov V. B. Ot Rodiny-tsaritsy k Rodine-babe: osobennosti femininnoy prezentatsii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny // Labirint : zhurn. sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2015. № 4. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/11/Aksenov.pdf> (data obrashcheniya: 02.05.2016).
2. Bagicheva N. V. Obraz Rodiny-materi v russkom natsional'nom mentalite // Lingvokul'turologiya / Ural. gos. ped. un-t ; otv. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2008. Vyp. 2. S. 28—33.
3. Bagicheva N. V. Obraz Rodiny: perezagruzka // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 24—26.09.2013) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2013. S. 14—20.
4. Berdyaev N. A. O «vechno-bab'em» v russkoy dushe // Biblioteka «Vekhi». 2001. URL: <http://www.litmir.co.br/?b=39359>.
5. Bryuggemann K. Mif o «bol'shoy sovetskoy sem'e» v massovykh pesnyakh 1930-kh godov, ili Sovetskiy Soyuz kak poiyushchiy pionerskiy lager' // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātē XII Zinātniskolasījumumateriali. Vēsture. VI sējums, I daļa. Daugavpils : Daugavpils UniversitātesizdevniecībaSaule, 2003. 29—34 lpp. URL: <http://www.old.historia.lv/publikacijas/konf/daugp/012/1dala/brigeman.htm> (data obrashcheniya: 23.04.2016).
6. Budaev E. V., Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2006. 267 s.
7. Vorkachev S. G. Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokul'ture: monogr. — M. : INFRA-M, 2013. 151 s. (Nauchnaya mysl').
8. Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira : kurs lektsiy. — M. : Akademiya, 1995. 420 s.
9. Grem S. Nevedomaya Rossiya. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/5> (data obrashcheniya: 23.04.2016).
10. Gyunter Khans. «Stalinskie sokoly» (Analiz mifa 30-kh godov) // Voprosy literatury. 1992. № 11—12. S. 122—141.
11. Gyunter Khans. Poyushchaya rodina (Sovetskaya massovaya pesnya kak vyrazhenie arkhetipa materi) // Voprosy literatury. 1997. № 4. S. 122—141.
12. Ilyukhina N. A. Obraz v leksiko-semanticeskem aspekte. — Samara : Izd-vo «Samarskiy universitet», 1990. 204 s.
13. Karamzin N. M. Predaniya vekov / sost., vstup. st. G. P. Makogonenko ; komment. G. P. Makogonenko i M. V. Ivanova ; il. V. V. Lukashova. — M. : Pravda, 1988. 768 s.
14. Klark K. Stalinskiy mif o «velikoy sem'e» // Voprosy literatury. 1992. № 1. S. 72—96.
15. Lakoff Dzh. Metafore, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. — M., 2004.
16. Rozanov V. V. Semeynyy vopros v Rossii // Biblioteka «Vekhi». 2001. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/rozanov_vv/semeynyiy_vopros_v_rossii_tom_I.12181 (data obrashcheniya: 05.05.2016).
17. Rozanov V. V. Apokalipsis nashego vremeni // Biblioteka «Vekhi». 2001. URL: http://ihavebook.org/books/1134/apo_kalipsis-nashego-vremeni.html (data obrashcheniya: 23.04.2016).
18. Ryabov O. V. «Rossiya-Matushka»: istoriya vizualizatsii. V 2 ch. Ch. 2. URL: <http://yarodom.livejournal.com/415500.html> (data obrashcheniya: 23.04.2016).
19. Solov'ev S. M. Chteniya i rasskazy po istorii Rossii / sost. i vstup. st. S. S. Dmitrieva ; komment. S. S. Dmitrieva i L. P. Doynikov ; il. V. V. Lukashova. — M. : Pravda, 1989. 768 s.
20. Stepanova E. A. «Vse prokhodit. Ostaetsya Rodina — to, chto ne izmenit nikogda» : obraz Rodiny v sovetskoy pesne // Labirint : zhurn. sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2015. № 4. URL: <http://journal-labirint.ru/> (data obrashcheniya: 23.04.2016).
21. Surkov Yu. Byla u nas Rodina-Mat', teper' — rodinamachekha // Kommunisticheskaya partiya Rossiiyskoy Federatsii : sayt. 25 noyab. 2004. URL: https://kprf.ru/national_news/28817.html.
22. Fedotov G. P. Budet li sushchestvovat' Rossiya? URL: <http://www.vehi.net/fedotov/rossiya.html> (data obrashcheniya: 10.05.2016).
23. Kholmogorov E. Rodina-doch' // Novye khroniki. 2008. 17 dek. URL: <http://novchronic.ru/2844.htm>.
24. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskem zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
25. Shuklin V. V. Mify russkogo naroda. — Ekaterinburg, 1995. 308 s.
26. Edmonson L. Gender, mif i natsiya v Evrope: obraz matushki Rossii v evropeyskom kontekste / per. O. Demidovoy. 2009. URL: http://uchebniki-besplatno.com/gendernaya-sotsiologiya_1181/linda-edmondson-gender-mif-natsiya-evrope-32898.html (data obrashcheniya: 23.04.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.